

НИКОЛАЙ ОЦУПЬ
ВМѢСТО ОТВѢТА

Эта книга уже печаталась, когда состоялся вечеръ «Чисель» объ искусствѣ и политикѣ. На вечерѣ были произнесены какія-то слова (неважно, кѣмъ и какія именно) заканчивающія одинъ циклъ не вполне рѣшенныхъ для журнала вопросовъ и какъ бы приглашающія насъ заняться другими темами.

Послѣсловіе Антона Крайняго какъ будто кладетъ конецъ спору этого писателя съ «Числами». На вечерѣ о политикѣ и искусствѣ Крайній услышалъ то, чего не хотѣлъ прочесть между строкъ на этихъ страницахъ.

Искусство — не безобидная игра. Все, что затаено въ насъ, искусство тревожитъ и будитъ. Оно воспитываетъ насъ только въ смыслѣ расширенія выбора. Подъ дѣйствиємъ искусства человекъ, по природѣ преступный, становится еще болѣе разнообразнымъ въ темныхъ своихъ страстяхъ. Онъ дѣлается богаче, разностороннѣй, но не лучше.

Навязывать искусству воспитательныя задачи — значитъ ошибаться въ его природѣ. Именно въ свободѣ искусства, и только въ ней, есть что-то высоко моральное.

По методу Фрейда цѣлый рядъ паталогическихъ случаевъ можно вылѣчить, очищая подсознательную, «подпольную» сферу нашей духовной жизни. Достаточно только оттуда, изъ подвала, вынести наружу то, что затаено и разсмотрѣть его при дневномъ свѣтѣ.

Лучшая литература какъ разъ этимъ всегда и занята. Особенно въ послѣднія десятилѣтія. Писатели заговорили особенно охотно, тонко и подробно о вещахъ, доселѣ тщательно скрывавшихся. «Сексуальныя темы» ставятся въ самыхъ выдающихся произведеніяхъ нашей эпохи (у Пруста, Жида, Джойса и др.) съ неслыханной доселѣ откровенностью. Во все не надо лично быть причастнымъ къ тому, что сейчасъ такъ тщательно писателями изслѣдуется, вовсе не надо питать тѣ именно склонности, которыя есть у того или другого героя повѣсти или романа, а можетъ быть и у самого автора. Въ личной жизни можно испытывать ко всему этому даже отталкиваніе. Но нельзя не чувствовать, что безъ этой огромной сфоры, безъ вниманія къ ней искусство было бы слѣпо и глухо.

Тѣ, кто видятъ аморальность у авторовъ, пытающихся все тайное

сдѣлать явнымъ, можетъ быть не понимаютъ современнаго человѣка во всей его сложности. Въ этомъ человѣкѣ ужъ навѣрно не только низшія страсти. Наоборотъ, ихъ обнаруженіе, вынесеніе ихъ на свѣтъ помогаетъ ему въ себѣ и въ окружающихъ разобраться и, если заложенные въ немъ лучшія начала — сильнѣе, борьба ихъ съ низшей его природой можетъ только укрѣпить человѣка, возвысить его.

Во всякомъ случаѣ природная добродѣтель, остающаяся безупречной лишь потому, что не встрѣтилось ей достаточно сильныхъ искушеній, не такъ уже драгоцѣнна. Увеличивая безъ конца опасности на пути такой добродѣтели, искусство испытываетъ ея сопротивленіе. Вотъ ужъ въ самомъ дѣлѣ: «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое». Въ борьбѣ — съ самимъ собой. Въ совершенно ясномъ изученіи себя, своихъ склонностей, въ отборѣ и укрѣпленіи того, что лучше и глубже.

Но для такого отбора нужно вглядываться въ себя и въ окружающее широко раскрытыми глазами. Только такъ можно понять, что такое мораль.

Только все видящее, ничего не замалчивающее и что-то, поверхъ условностей, утверждающее искусство достойно называться моральнымъ.

Нѣсколько словъ о «похоронныхъ настроеніяхъ». Какъ можно запретить кому бы то ни было говорить и думать о смерти? Кто можетъ установить дозы, въ которыхъ о ней позволительно писать? Кому дано знаніе всего, что есть — смерть?

Хочется, наконецъ, за «Числа» предложить нашимъ критикамъ разобратся, какъ и почему на этихъ страницахъ часто говорится о смерти, быть можетъ тогда упрекающіе насъ въ «похоронности» увидятъ свою ошибку.

— Почему не писать о смерти? — спросилъ на вечерѣ «Чисель» одинъ изъ ораторовъ.

— Писать надо о жизни, — отвѣтилъ съ мѣста П. Н. Милюковъ.

Если писатели, составляющіе руководящую группу «Чисель», находили весь смыслъ міра въ смерти и «любовались» бы зрѣлицемъ разрушающейся жизни, — мало было бы тѣхъ упрековъ, которыя теперь (безъ основанія) кое-кто обращаетъ къ журналу.

П. Н. Милюковъ, быть можетъ, удивится, если я, отъ имени «Чисель», цѣликомъ соглашусь съ его словами. Да, писать надо о жизни.

Но жизнь, безъ своего загадочнаго и темнаго фона, лишилась бы своей глубины. Смерть вплетена въ живое.

Во всемъ, что не имѣетъ дна,
Всегда присутствуетъ она,
А гдѣ помельче глубина,
Намъ тѣнь ея видна.

Тема о смерти можетъ привлекать и «упадочниковъ», людей, «усталыхъ отъ жизни». Г. П. Федотовъ высказываетъ опасенія, не это ли причина похоронныхъ темъ у писателей «Чисель». Вслѣдъ за Паскалемъ Федотовъ хочетъ доказать, какъ удобна и спасительна для души человѣческой вѣра въ физическое воскресеніе. Но и Паскалю не удалось скрыть за своими «Мыслями» жуткое, страшное и по-человѣчеству драгоцѣннѣйшее сомнѣніе: «да такъ ли все это?» Въ тревожныхъ утвержденіяхъ Федотова, нѣтъ ли, въ другой формѣ, все тѣхъ же давно знакомыхъ сомнѣній?

Но зачѣмъ же чужое сомнѣніе, только болѣе явное и откровенное, называть упадочничествомъ. Вѣдь и высказываютъ то его до конца лишь при желаніи до чего то безспорнаго договориться, что то положительное утвердить. И только при безусловной честности съ собой утвержденіе это чего то стоитъ.

Пытливо всматриваясь въ смерть, пишущіе о ней славятъ жизнь. О смерти мы хотимъ писать во имя жизни. Сологубовской «дебелой бабищей» безъ тайны и безъ трагедіи становится жизнь безъ своей «темной сестры».

Въ предисловіи къ первой книгѣ «Чисель» руководящая группа журнала пыталась намѣтить главныя свои темы, ничуть не новыя, конечно, для міровой литературы, но отодвинутыя за послѣдніе годы темами злободневными. Это — вопросы человѣческаго существованія. Какъ можно касаться ихъ, не говоря съ послѣдней откровенностью о томъ, что углубляетъ и возвышаетъ жизнь? Мысли о смерти — не признакъ упадочничества. Этого упрека «Числа» принять не могутъ.